

УДК 81'25

ТЕКСТ ПЕРЕВОДА И «ТЕКСТ ПЕРЕВОДЧИКА»

Лариса Михайловна Алексеева

д. филол. н., профессор кафедры английской филологии

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. alm@psu.ru

В статье рассматривается наиболее частотное и вместе с тем наименее терминологизированное в переводоведении понятие текста перевода. Содержание данного понятия изучается путем сопоставления с понятием «текст переводчика». Анализ позволяет увидеть в сравниваемых понятиях противоположное содержание. Текст перевода, коррелируя с семантикой исходного текста, фиксирует его содержание и предполагает определенную стандартность воспроизведения исходного содержания. В тексте переводчика обнаруживается связь со смыслом исходного текста. Являясь производным объема понятого смысла, текст переводчика позволяет проследить процесс освоения исходного смысла. Проанализированный материал дает представление об индивидуальности прочтения исходного смысла, лежащей в основе понятия текста переводчика.

Ключевые слова: текст перевода; текст переводчика; освоенный смысл; переводческая установка; концептуальное поле; индивидуальная оценка знания.

Сложно спорить с тем, что «постигая бесконечный мир мыслимого, то есть неизбежно с какой-то позиции, с определенной точки зрения, человек оказывается связанным с выбором этой позиции. И каждая такая позиция является неповторимой, уникальной, а ее занятие – актом свободы» [Тульчинский 2002: 37]. Тем не менее подобная идея в отношении индивидуального постижения переводчиком текста оригинала оказывается наиболее дискуссионной в переводоведении. Смысл дискуссии обусловлен противоречием между изначальным стремлением переводчика, направленным на трансляцию максимально точного смысла текста оригинала, и окончательным результатом. Очевидно, что связь оригинала и его переводов осуществляется с помощью выражения их общности, представленной разными людьми достаточно сходным образом, поскольку они объединены общим стремлением создать успешный перевод исходного текста. Окончательный продукт перевода демонстрирует иное: образ и содержание текста перевода оказываются разными, иногда и противоречащими содержанию оригинала, в индивидуальном сознании отдельного переводчика, отражающем конструирующую деятельность интеллекта [Алексеева 2010а].

В данной статье делается попытка развития дискуссии о противоречии переводческой деятельности с помощью сопоставления двух поня-

тий: «текст перевода» и «текст переводчика». В любой науке может сложиться ситуация, когда отдельные понятия, первоначально не представляющие интереса с точки зрения старого знания, с позиции нового знания могут оказаться ключевыми. Такая ситуация сложилась в переводоведении. В системе переводческих понятий наиболее употребляемым и одновременно наименее терминологизированным было понятие текста перевода. В теории перевода данное понятие традиционно употреблялось как готовое, специальное, не вызывавшее никаких проблем понятие.

Опыт изучения традиционных взглядов на перевод позволяет видеть в тексте перевода конечный продукт межъязыкового взаимодействия, соотносящийся с устойчивым и в определенном смысле идиоматическим, т.е. неподвергающимся дальнейшему пересмотру понятием. Понятие текста переводчика, на наш взгляд, соотносится с иной трактовкой перевода как процесса трансляции **только освоенного** переводчиком смысла исходного текста [Алексеева 2010б].

В теории перевода соотношение понятий текста перевода и текста переводчика заслуживает изучения не столько в аспекте противопоставления друг другу, сколько в их отношении к третьему феномену – самому процессу перевода. Действительно, обладая разной природой, тексты перевода и переводчика оказываются равноцен-

ными по отношению к процессу перевода, поскольку текст перевода фиксирует продукт перевода, а текст переводчика актуализирует связь продукта деятельности с самой деятельностью переводчика. В такой трактовке рассматриваемые понятия являются различными средствами изучения природы процесса перевода. Кроме того, дифференциация данных понятий дает основание для изучения модификации исходных концептов в переводе, а также принципа свободы в переводе.

На протяжении многих веков текст перевода ставился на первое место и считался доминантой переводческого процесса. Именно к тексту перевода предъявлялись высокие требования. Качество перевода оценивалось в зависимости от того, насколько полно и точно переводчик следовал правилам эквивалентности, или адекватности исходного и переводного текстов. Понятие текста перевода определялось на основе заданного алгоритма или программы перевода, в основе которых лежали языковые соответствия.

В переводоведении XX в. текст перевода понимался как некий продукт языковой деятельности, соотносимой с заменой текста оригинала на текст перевода. В толковом переводоведческом словаре текст перевода определяется как «реально высказываемое, высказанное или записанное переводчиком предложение или совокупность предложений любой длины» [Нелюбин 2003: 220]. Очевидно, что данное понятие неспецифично, т.е. не имеет специальной переводоведческой трактовки и понимается как считанное переводчиком содержание оригинала. В этом смысле данное понятие оказывается предельным, определяющим конечную цель переводческой деятельности.

Тем не менее главным и единственным источником текста перевода является сам переводчик. Еще в начале XX в. известный русский философ С.Н.Булгаков сформулировал суждение в отношении того, что любая речь зависит от исполнителя, а не от инструмента [Булгаков 2008: 52]. Данное суждение справедливо и в отношении переводческой деятельности, направленной на создание переводчиком индивидуального речевого продукта.

Открывая дискуссию по поводу соотношения рассматриваемых понятий, можно вспомнить известную фразу А.Мейе: «сколько лингвистов, столько и лингвистик». Перефразируя это высказывание, можно утверждать, что сколько переводчиков, столько и переводов. Смысл перефразированного выражения заключается в том, что в процессе перевода каждый переводчик создает индивидуальный текст. Справедливость сказан-

ного подтверждается долгой историей переводческой деятельности, начинающейся с истории перевода Библии. Известно, что к IV в. количество текстов Ветхого Завета Библии равнялось количеству переводных текстов, т.е. каждым переводчиком был создан собственный вариант Библии. Из множества вариантов перевода европейские теологи и исследователи перевода высоко оценили личный вклад блаж. Иеронима Стридонского в перевод Библии на латинский язык. Владея древнегреческим и древнееврейским языками, Иероним Стридонский не только переводил, но и исправлял имеющиеся варианты латинских переводов на основе собственного понимания Библии. На свое усмотрение он приводил в соответствие содержание многочисленных переводов с греческого оригинала [Фокин 2010: 64–66]. Роль Иеронима Стридонского как переводческой личности оценена высоко благодаря не только переводам, но и толкованиям книг малых и великих пророков. Жемчужиной его экзегетических трудов считается «Восемнадцать книг толкований на пророка Исаию» [там же: 80]. Смысл его деятельности по толкованию книг Библии заключался в том, что сначала он делал перевод с древнееврейского и древнегреческого оригиналов на латинский язык и объяснял разницу их смысла, затем занимался духовно-типологическим толкованием текста. Это пример создания индивидуального текста переводчиком.

История перевода доказывает, что перевод как творческий вид деятельности ставит переводчика в очень сложную ситуацию, когда он вынужден изменять рамки переводческого образца и действовать по принципу сверхпрограммной мотивированности, связанной с собственным опытом освоения нового исходного текста. Переводчик не присваивает правил перевода в готовом виде, они каждый раз возникают в новом виде в ходе приобретения нового опыта перевода. Переводчик сталкивается с необходимостью искать пути перевода и выбора тактики действия в себе самом, в собственном сознании. В этом проявляется переводческая способность к сверхпрограммному преодолению традиционных правил.

Очень часто мотивацию переводческой деятельности определяют культурные ценности и идеалы, создающие особый эмоциональный настрой воспринимающего текст. Основываясь на этом, можно заключить, что создание текста является процессом, в котором предзаданная готовая программа оказывается далеко не достаточной для переводчика, поскольку каждый раз, сталкиваясь с новым текстом, он испытывает усилие мысли по восприятию и пониманию но-

вой для него информации, задействующее многообразные интеллектуальные пласты его личности. Через сознание отдельного переводчика проходят только им улавливаемые смыслы.

Смысл процедуры понимания как главного действия переводчика был сформулирован в работах А.А.Потебни, который полагал, что «понимающие друг друга могут быть сравнены с двумя различными музыкальными инструментами, приведенными между собой в такую связь, что звук одного из них вызывает не такой же, но соответственный звук другого» [Потебня 1993: 160]. Поэтому «перевод с одного языка на другой есть не передача той же мысли, а возбуждение другой, отличной» [там же: 168].

Эти идеи нашли выражение в динамических взглядах на язык и речевую деятельность [Мурзин 1984]. Л.Н.Мурзин вывел универсальную формулу динамического процесса, которую можно использовать применительно к переводу: $A + \alpha \rightarrow B$, где A можно считать исходным текстом, α – оператором деятельности переводчика, B – текстом переводчика. Данная формула читается следующим образом: исходный текст A подвергается мыслительному действию переводчика α , в результате чего им создается новый текст B .

Таким образом, главным является то, что переводимый текст всегда зависит от точки зрения переводчика. Первейшее состояние переводчика – осознание того, что он приступает к контакту с

иной ментальностью, характеризующейся неясностью и неопределенностью. Это заставляет его мультиплицировать исходный смысл, порождать множество интерпретаций смысла.

Трактовку соотношения понятий текста перевода и текста переводчика можно обосновать следующим. Содержание любого знака, включая текст, состоит из двух компонентов: социального объективного значения и личностного субъективного значения. Первый компонент отражает форму общественной практики и поэтому соотносится с надындивидуальным социальным значением, фиксированным в словаре. Второй компонент связан с отдельным индивидуальным смыслом, характеризующим личностное отношение воспринимающего текст к денотату знака.

Переводы создаются благодаря оригиналам, провоцирующим их осмысление. Любой оригинал является знаком иной культуры, используемым в качестве средства распределения определенности социального опыта (термины Г.И.Богина), т.е. как средства иного осмысления действительности. Внутри принимающей культуры переводные тексты, являющиеся языковыми знаками, способствуют передаче социального опыта. Переводной текст становится своеобразным путеводителем по чужой культуре и системе знания.

Результаты дифференциации понятий текста перевода и текста переводчика отражены в табл. 1

Таблица 1

Соотношение понятий текста перевода и текста переводчика

Текст перевода	Текст переводчика
1. Обнаруживает связь с семантикой исходного текста	1. Обнаруживает связь со смыслом исходного текста
2. Является производным от текста	2. Является производным объема понятого смысла
3. Фиксирует содержание исходного текста	3. Позволяет проследить процесс освоения исходного смысла
4. Предполагает стандартность воспроизведения исходного содержания	4. Предполагает индивидуальность прочтения исходного смысла

В традиционном переводоведении переводчик был фигурой умолчания. В современном переводоведении традиционное представление о тексте перевода как продукте переводческой личности, т.е. тексте переводчика, является результатом модификации переводческих установок.

Виды переводческих установок:

- 1) установка на передачу нового знания (полное удовлетворение коммуникативного намерения в научной коммуникации);
- 2) установка на авторизированное описание;

3) установка на соответствующую оценку переводимого знания.

Материалом исследования послужили три перевода известнейшего высказывания В.фон Гумбольдта о языке. Данные переводы выполнялись в разное время русскими лингвистами А.А.Потебней, П.А.Флоренским и В.А.Звегинцевым, которые преследовали различные цели. Переводимое высказывание В.фон Гумбольдта отражает суть его взглядов на язык и является наиболее цитируемым в лингвистических трудах

отечественных лингвистов. Проведем сопоставительный анализ фрагментов перевода. Целью анализа является сравнение понятий языка, предлагаемых в трех вариантах перевода (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление переводов В.фон Гумбольдта

А.А.Потебня	П.А.Флоренский	В.А.Звегинцев
«Язык в сущности есть нечто постоянно , в каждое мгновение исчезающее ...	«Язык, как он есть в действительности, представляется непрерывно текучим и переходящим с каждой минутой...	«По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное (1) и вместе с тем в каждый данный момент переходящее ... (2)
Он есть не дело (ἔργον), не мертвое произведение , а деятельность (ἐνεργεῖα), т.е. самый процесс производства .	Сам же по себе, язык есть деятельность (ἐνεργεῖα), а не окончательное дело (ἔργον).	Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia).
Поэтому его истинное определение может быть только генетическое : язык есть вечно повторяющееся усилие (работа, Arbeit) духа сделать членораздельный звук выражением мысли.	Истинное определение его должно выражать акт его происхождения (генезис). Язык есть беспреданное повторение действия духа на членораздельный звук для претворения его в выражение мысли.	Его истинное определение может быть поэтому только генетическим . Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа , направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли.
Это – определение не языка, а речи , как она каждый раз произносится (des jedesmaligen Sprechens); но, собственно говоря, только совокупность таких актов речи (des Sprechens) есть язык .	В строгом и ближайшем смысле, это определение идет к каждому акту живой речи в повседневном употреблении языка; но в сущности и в истинном смысле, под языком можно также разуместь только как бы совокупность всего того, что говорится .	В строгом смысле это определение пригодно для всякого акта речевой деятельности , но в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности .
В бессвязном хаосе слов и правил, который мы обыкновенно называем языком, действительно есть налицо то, что мы каждый раз произносим .	Что же обыкновенно называют языком, то в массе слов и правил, как представляют их словари и грамматики, содержатся только отдельные стихи, производимые живою речью, и то всегда неполные по количеству и всегда требующие нового труда, чтобы узнать свойства происходящей из них речи и составить верное представление о живом языке .	В беспорядочном хаосе слов и правил, который мы по привычке именуем языком, наличествуют лишь отдельные элементы, воспроизводимые – и притом неполно – речевой деятельностью; необходима все повторяющаяся деятельность, чтобы можно было познать сущность живой речи и составить верную картину живого языка .
Притом в таких разрозненных стихиях не видно самого высшего, тончайшего в языке, именно того, что можно заметить или почувствовать только в связной речи . Это доказывает, что язык, в собственном смысле, заключен в самом акте своего действительного появления » (Потебня 1993: 26).	По разрозненным элементам нельзя узнать того, что есть высшего и тончайшего в языке: это делается понятным или осязательным только в составе речи , – новое доказательство, что существо языка состоит в самом акте его воспроизведения » (Флоренский 1998: 150).	По разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи , что является лишним доказательством в пользу того, что каждый язык заключается в акте его реального порождения » (Гумбольдт 2000: 70).

Анализируя фрагменты текста, выделенные жирным шрифтом, замечаем, что содержание трех вариантов перевода одного и того же фрагмента исходного текста весьма различно. Отметим, что из трех вариантов перевод В.А.Звегинцева, будучи известным и широко используемым, является в определенном смысле социальным объектом, имеющим широкое применение в лингвистической науке.

По времени самым ранним обращением к работе В.фон Гумбольдта является перевод А.А.Потебни. Известно, что А.А.Потебня, высоко оценивая теорию о происхождении языка, впервые просветил в отечественном языкознании смысл учения В.фон Гумбольдта. Он считал, что теория В.фон Гумбольдта возвышается над всеми предшествующими теориями. В собственных исследованиях языка А.А.Потебня развивал идею В.фон Гумбольдта о взаимодействии связанной речи и понимания [Потебня 1993: 27].

Отметим, что содержание текста перевода А.А.Потебни явно демонстрирует его собственные убеждения в том, что язык субъективен по отношению к действительности (язык ... **посто-янно**, ... **исчезающее**). В отличие от двух других вариантов, перевод А.А.Потебни отмечен вставками из оригинала на немецком языке. В этом выражено его стремление выполнить задачу максимального понимания принципиально новой для того времени идеи о сущности языка. Восхищаясь гениальностью новых важных противоречий, выявленных В.фон Гумбольдтом в языке, А.А.Потебня сам невольно применяет принцип антиномии в качестве методики перевода (он есть **не дело** (ἔργον), **не мертвое произведение**, а **деятельность** (ἐνέργεια); это – **определение не языка, а речи**).

Анализ исследований А.А.Потебни в области языка дает нам возможность заметить, что его интересовала проблема происхождения языка. Решение данной проблемы А.А.Потебня видел в использовании антиномий. «Решить вопрос о происхождении языка и отношении его к мысли, ... по Гумбольдту – применить существующие в языке противоречия речи и понимания, субъекта и объекта, неделимого и народа, человеческого и божественного» [там же: 33]. В этом обнаруживается преемственность гумбольдтианских идей. В переводе это выражено в следующем фрагменте текста: «...это доказывает, что язык, в собственном смысле, заключен в самом акте своего **действительного появления**» (ср. остальные варианты перевода: «существо языка **состоит в самом акте его воспроизведения**»; «каждый

язык заключается в акте его **реального порождения**»).

П.А.Флоренского, как и В.фон Гумбольдта, интересовала антиномия вещности и деятельности языка [Флоренский 1998: 147–148]. По П.А.Флоренскому, вещь, т.е. словность языка, дана человеку историей как нечто готовое и непреложное. С другой стороны, будучи творцом языка, человек «божественно свободен в своем языковом творчестве, всецело определяемом его духовною жизнью, изнутри» [там же]. Имея явно просветительские цели, П.А.Флоренский писал: «Ни один образованный человек не должен отговариваться незнанием Гумбольдта. Поэтому я изложу вам занимающий нас вопрос по возможности собственными словами этого острого и проникновенного мыслителя, пользуясь при этом итогом целожизненных его размышлений» [там же: 149]. Далее в работе П.А.Флоренского следует перевод отдельных фрагментов работы В.фон Гумбольдта «Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts».

П.А.Флоренский исследует предмет борьбы взглядов на язык богословствующих языковедов XVIII в., утверждавших, что в языке содержится лишь только дар Божий. В этом споре П.А.Флоренский разделяет взгляды В.фон Гумбольдта на язык как противоречивое устройство: «Но язык – живое равновесие ἐργον и ἐνέργεια, «вещи» и «жизни». Точнее сказать, именно противоречивостью этою, в ее предельной остроте, и возможен язык – вечный, незыблемый, объективный разум, пре-человеческий Λόγος и он же – бесконечно близкий душе каждого, ласково-гибкий в своем приноровлении к каждому отдельному сердцу, всегда индивидуальный, в каждый миг свой, в каждом своем движении – индивидуальность выражающий – поскольку есть что выразить» [там же: 156].

Принимая во внимание взгляды П.А.Флоренского на язык, мы отмечаем их влияние на содержание выполненного им перевода. В языке он видит текучесть, преходящий характер, не окончательное дело. Признание индивидуального характера речи определяет содержание следующего фрагмента перевода: «В строгом и ближайшем смысле, это **определение идет к каждому акту живой речи** в повседневном употреблении языка» (ср. с переводом А.А.Потебни: ...**совокупность таких актов речи (des Sprechens) есть язык**).

В.А.Звегинцев известен взглядами на язык и методами его изучения, составляющими основу структурного направления в лингвистике. Мож-

но предположить, что представление о языке как системе единиц повлияло на его перевод фрагмента: «По своей действительной сущности язык есть нечто **постоянное** и вместе с тем в каждый данный момент **преходящее**». Очевидно, что в тексте переводчика В.фон Гумбольдту приписывается взгляд, характеризующийся двойственным отношением к языку: как к продукту, так и процессу.

Анализ содержания выполненных переводов одного и того же текста позволяет заметить принципиальную разницу транслируемого смыс-

ла исходного текста. В одних переводах (А.А.Потебня и П.А.Флоренский) В.фон Гумбольдт предстает перед нами как исследователь проблемы соотношения языка и мышления, понимающий язык как индивидуальное интеллектуальное усилие. Однако в переводе, выполненном В.А.Звегинцевым, В.фон Гумбольдт видится нам как представитель дуалистических взглядов на язык.

Обобщение и сопоставительная характеристика смыслов, выраженных тремя переводчиками, содержатся в табл. 3.

Таблица 3

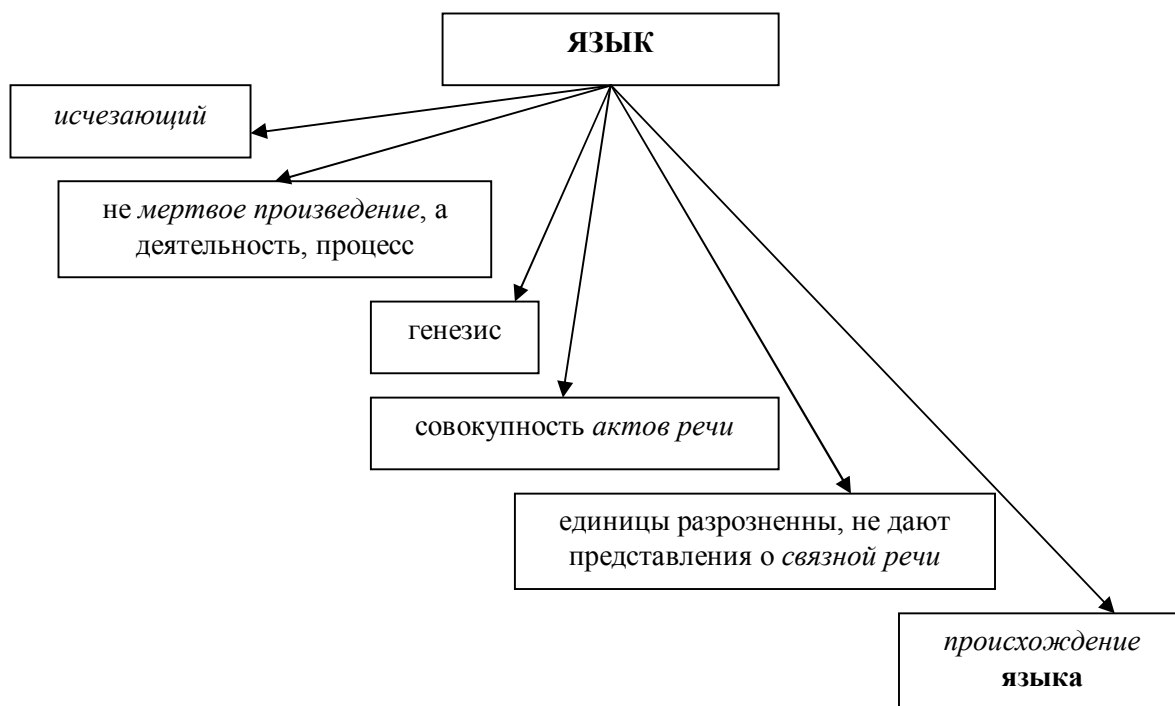
Сопоставительная характеристика переведенных смыслов

А.А.Потебня	П.А.Флоренский	В.А.Звегинцев
Язык		
– постоянно исчезающий, не мертвое произведение, а деятельность, процесс ;	– непрерывно текущий, не окончательное дело, а деятельность ;	– постоянный и одновременно проходящий , не продукт, а деятельность ;
– понять можно только на основе генезиса ;	– понять можно только на основе генезиса ;	– понять можно только на основе генезиса ;
– <i>только совокупность актов речи</i> ;	– <i>определенная совокупность всего говоримого</i> ;	– <i>в некотором смысле</i> можно понимать язык в аспекте речи ;
– используется для создания речи;	– зафиксированные правила языка лишь частично способствуют порождению речи и раскрывают ее механизм;	– в языке есть лишь отдельные элементы , провоцирующие речь, чем чаще мы их воспроизводим , тем лучше мы понимаем язык;
– однако единицы языка разрознены и не дают представления о связной речи ;	– по разрозненным единицам языка нельзя составить представления о его сущности ;	– разрозненные единицы языка не дают представления о связной речи ;
– осмысление связной речи возможно на основе изучения происхождения языка .	– это можно сделать в ходе постоянного использования языка .	– отдельный язык является актом его создания .

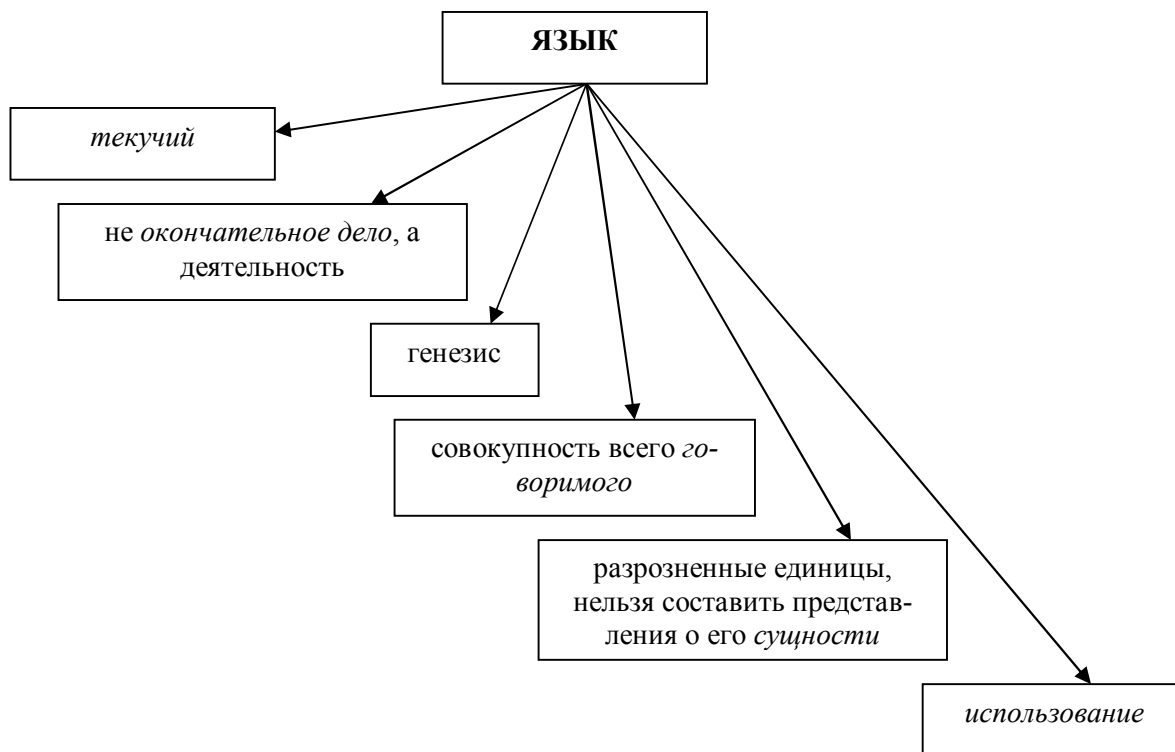
Сопоставление содержания трех текстов переводчиков свидетельствует о том, что понимание основного суждения В.фон Гумбольдта о языке различно. Мы склонны считать, что трактовки языка, нашедшие воплощение в переводах, отражают личностные взгляды переводчиков,

связанные с неспецифической мотивацией выражения собственных теоретических взглядов на язык. Используемая нами методика моделирования концептуального поля позволила выявить специфику транслируемого смысла каждого из представленных текстов. Обратимся к схемам.

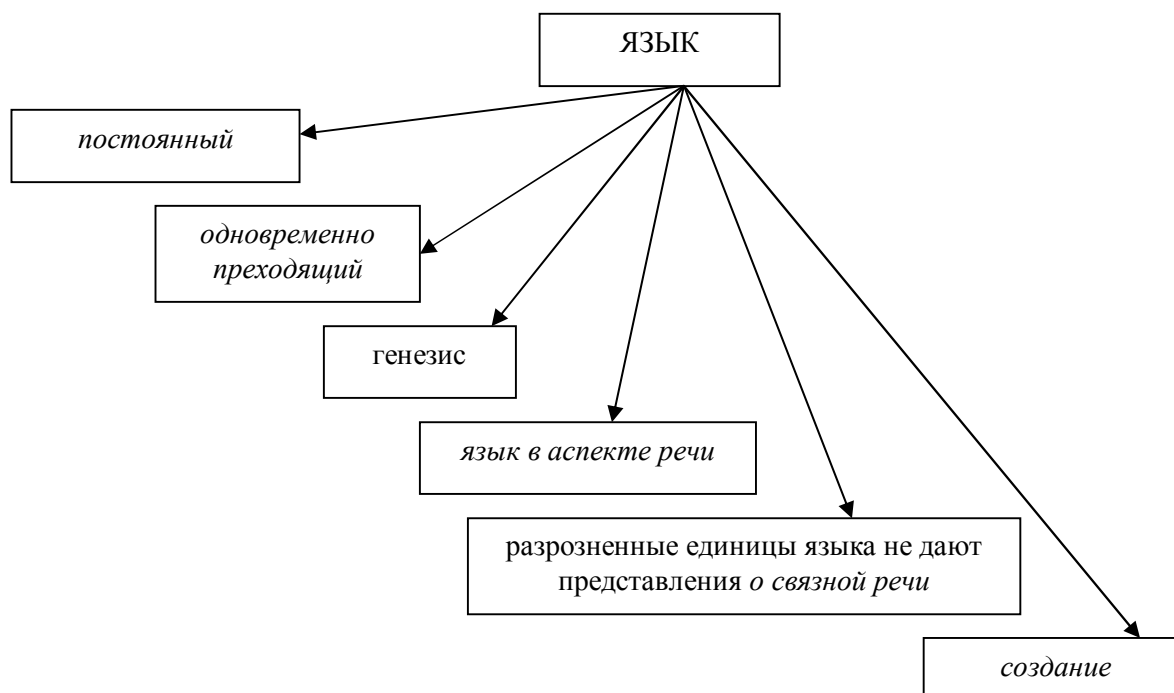
Концептуальное поле, выявленное в переводе А.А.Потебни

Концептуальное поле, выявленное в переводе П.А. Флоренского

Концептуальное поле, выявленное в переводе В.А. Звегинцева

Анализ содержания данных схем дает возможность увидеть, что концептуальные поля *языка* у данных переводчиков различаются. Курсивом отмечены несовпадающие компоненты. Очевидно, что концептуальные поля характеризуются только общностью представления о языке, заслуживающего генетической трактовки. Все остальные компоненты концептуальных полей отличны друг от друга.

Таким образом, будучи потребителями переводческой продукции, мы не имеем однозначного представления об исходном смысле оригинала. В качестве исследовательских наблюдений выбраны модификации концепта *язык*, представленные в текстах трех переводчиков.

Мы показали полифонию и многоголосие переводных текстов, позволяющих характеризовать их как тексты переводчиков. Принимая во внимание результаты проведенного нами сопоставительного анализа вариантов перевода и переводческих позиций, можно сделать следующие выводы:

1. Тексты переводчиков характеризуются индивидуальностью и в этом смысле действительно могут быть сравнимы с исполнением одной и той же мелодии на различных музыкальных инструментах, приведенных «*между собой в такую связь, что звук одного из них вызывает не такой же, но соответственный звук другого*» [Потебня 1993: 160].

2. В индивидуальном тексте переводчика актуализирована установка на соответствующую оценку исходного знания.

3. Текст переводчика неизбежно создается переводчиком с определенной позиции, с индивидуальной точки зрения, отражающей его личные взгляды.

Список источников

- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. 400 с.
Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
Флоренский П.П. Имена. М.: ЭКСМО; Харьков: ФОЛИО, 1998. 912 с.

Список литературы

- Алексеева Л.М.* Перевод как рефлексия деятельности // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып.1(7). С.45–51.
Алексеева Л.М. Методика обучения письменному переводу // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010б. Вып.2(8). С.77–84.
Булгаков С.Н. Философия имени. СПб.: Наука, 2008. 447 с.
Мурзин Л.Н. Основы дериватологии / Перм. гос. ун-т, 1984. 56 с.
Нелюбин Л.Л. Толковый переводведческий словарь. М.: Флинта, Наука, 2003. 320 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 320 с. 192 с.

Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персоналогия. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 678 с. 677 с.

Фокин А.Р. Блаженный Иероним Стридонский: библеист, экзегет, теолог. М.: Центр библейско-патрол.исслед., 2010. 224 с.

THE TARGET TEXT AND THE «TRANSLATOR'S TEXT»

Larissa M. Alekseeva

**Professor of English Philology Department
Perm State University**

The article deals with the most frequent and at the same time the less terminolized word *target text*. The sense of this concept is studied by means of the comparative analysis with that of the concept *translator's text*. The analysis reveals different contents of the concepts. The target text having semantic links with the source text fixes and standardizes them. The translator's text reveals the links with the derived sense constructed by the translator. In this sense the translator's text is a metatext. The material data proves the individual character of the translator's text.

Key words: target text; translator's text; realized sense; the translator's aim; conceptual field; individual estimation.